

10.00.00 Philological Sciences

10.00.00 Филологические науки

UKD 80

**LINGUAL RHETORIC PARADIGM AS INTEGRATIVE
RESEARCH PRISM IN PHILOLOGICAL SCIENCE***Alexandra A. Vorozhbitova*

SGUTiKD (SUTR), Sochi, Russia
The doctor of philological sciences,
The doctor of pedagogical sciences, Professor,
Head of Russian Philology department
354000, Sochi, 26-a Sovietskaya St.
E-mail: alvorozhbitova@mail.ru

The article characterizes the lingual rhetoric paradigm as an integrative approach in philology based on three crossing categorical ranges: 1) the ideological aspects of a speech act (ethos, logos, pathos); 2) the phases of the universal ideospeech cycle «from a thought to a word» (invention, disposition (arrangement), elocution (style) as the technology of discourse process; 3) the structural levels of a lingual identity (associative verbal network, thesaurus, pragmaticon) as the producer of discourse, the carrier of ideology. Hence there are three groups of lingual rhetoric parameters: ethos motivational dispositive, logos thesaurus inventive, pathos verbal elocutive.

Keywords: lingual rhetoric paradigm, theoretical and applied aspects; crossing of three categorical ranges: ethos, logos, pathos; invention, arrangement, elocution; verbal semantic, lingual cognitive, motivational levels of a lingual identity.

В настоящее время в филологии актуализированы интегративные подходы в области частных дисциплин языковедческого, речеведческого, литературоведческого, лингводидактического циклов: системно-структурной лингвистики, распределяющейся по ярусам языковой системы в синхронном и диахронном планах; общей риторики и генетически восходящих к ней дисциплин, взявших в свое ведение функциональный аспект языкознания – стилистики, культуры речи, лингвопрагматики и подобных; широкого спектра литературоведческих дисциплин; лингводидактики и методики преподавания литературы.

В свете гуманизации и гуманитаризации науки и образования бесспорным интегрирующим стержнем для всех перечисленных областей исследования является языковая личность, осуществляющая универсальный идеоречевой цикл «от мысли к слову» и реализующая интегральную лингвориторическую (ЛР) компетенцию. Этапы универсального идеоречевого цикла восходят к классическому риторическому канону, который с позиций современной теории коммуникации и психолингвистики осмысливается как «интегральная программа трансформации мысли в слово»: инвенция (нахождение, изобретение мысли) как анализ темы с последующей ее субкатегоризацией на основе селективной решетки данных – набора «общих мест»; диспозиция (расположение) как линейная экспозиция референта, его синтагматическое развертывание; элокуция (языковое оформление) как вербализация референта или собственно текстообразование [1].

ЛР подход к исследованию языка, речи, речемыслительной деятельности, дискурса, текста, художественного произведения разрабатывался нами с начала 1990-х гг. на пересечении идей и категориальных аппаратов прежде всего антропоцентрической лингвистики и неориторики – продукта так называемого «риторического Ренессанса» [2]. Согласно статье В.Н. Топорова в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», риторика, «принадлежит, как и языкознание, к кругу семиотических наук, разделяет с ним ряд общих проблем. Тем самым, открываются возможности для дальнейшего (и притом сознательного) контакта риторики и лингвистики, при котором последняя с пользой для себя обращается к опыту риторики» [3]. Под *ЛР парадигмой* понимается *совокупность научных представлений, теоретических установок, терминов, порождаемая междисциплинарным синтезом лингвистики и риторики* [4]. Собственно ЛР метод исследования формируется на пересечении трех категориальных рядов:

1) *методологических категорий этос, логос и пафос*, выступающих основаниями античной риторики и активно возвращающихся в современную филологию: этос (греч. «нравы») – этическое, нравственно-философское начало речи; логос – (греч. «аргументы») – словесное, мыслительное начало речи; пафос – (греч. «страсти») [5] – эмоциональное начало речи;

2) *уровней структуры языковой личности* как материального носителя идеологии, творца и одновременно продукта языка: вербально-семантический уровень, или ассоциативно-вербальная сеть; лингвокогнитивный уровень, или тезаурус; мотивационный уровень, или прагматикон [6];

3) *этапов универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову»*, восходящих к частям классической риторики, которые выступают дискурсивным способом воплощения идеологии на уровне связной речи: *инвенция* (нахождение, изобретение мысли); *диспозиция* (расположение изобретенного); *элокуция* (языковое оформление).

Совокупная языковая личность этносоциума (ее коллективные прагматикон, тезаурус, ассоциативно-вербальная сеть) воплощает константы духа – этос, логос и пафос, образующие весь спектр мыслеречи, в инвентивно-диспозитивно-элокутивном пространстве глобального дискурсивно-текстообразующего процесса производства языка и культуры. Соответственно объективно возникают три группы универсальных ЛР параметров: этосно-мотивационно-диспозитивные, логосно-тезаурусно-инвентивные, пафосно-вербально-элокутивные – которые специфическим образом воплощаются в различных типах дискурса.

Категориально-понятийный аппарат ЛР парадигмы образуют концепты классической риторики и неориторики, лингвистики, психолингвистики, лингвопрагматики, теории коммуникации, лингвистики текста, лингводидактики, а также собственно ЛР термины, выкристаллизовавшиеся в ходе исследования: ЛР компетенция языковой личности и механизмы ее реализации, совокупная языковая личность этносоциума, ЛР картина мира, ЛР методика вторичной реконструкции, ЛР образование (воспитание, развитие) [7] и др. ЛР парадигма объективно обладает значительным интегративным и эвристическим потенциалом, ее методологический статус обусловлен развитием антропоцентрической лингвистики, неориторики, общей тенденцией частных филологических дисциплин к интеграции, задачами реформирования системы школьного языкового образования, вузовской подготовки профессиональных языковых личностей для сфер филологии и педагогики, юриспруденции, менеджмента и др.

При обращении к языку как способу социокультурного бытования языковой личности, как среде «языкового существования», т.е. «никогда не прекращающейся жизни «с языком» и «в языке» [8], мы с объективной неизбежностью покидаем

уровень «чистой» лингвистики [9] и выходим на уровень *лингвориторики*, рассматривающей язык как средство речевой деятельности, осуществляемой языковой личностью в рамках совокупности речевых событий посредством механизмов реализации ее интегральной ЛР компетенции. ЛР аспект филологических изысканий предполагает исследование языковых структур не изолированно, а в составе риторических, имеющих непосредственный выход в коммуникацию. Параметрами мысли, объективированной во внешней речи, выступает инвентивно-диспозитивно-элокутивный континуум мыслеречевого пространства в его акциональной реализации.

ЛР ментальность как национально-историческая доминанта самореализации языковой личности в той или иной степени проявляется на всех уровнях речевой деятельности: 1) уровень речевого акта; 2) уровень речевого поступка как цепи речевых актов, объединенных единой коммуникативной целью; 3) уровень речевого поведения как совокупности речевых поступков (рассматриваемых на уровне обобщения их особенностей, типичных для данного индивида); 4) уровень речевой политики как регулируемой государством стратегии желательного речевого поведения в масштабах совокупной языковой личности этносоциума. Во всех приведенных контекстах термин *речевой*, как только мы обращаемся к теоретико-методологической, понятийной ипостаси данной феноменологии, заменяется на *лингвориторический*. При этом возможно логическое включение и взаимное корреспондирование трех ведущих ракурсов исследования языка – «язык – система», «язык – текст», «язык – способность» (см., напр.: [10]) – в рамках подхода «язык – ЛР компетенция языковой личности».

В структуре интегральной ЛР компетенции выделяются две базовые составляющие с соответствующими субкомпетенциями: 1) лингвистическая (собственно языковая); 2) риторическая (текстовая и коммуникативная субкомпетенции). Будучи инструментом реализации дискурсивно-текстообразующего процесса, ЛР компетенция манифестирует функционирование ассоциативно-вербальной сети, тезауруса и прагматикона языковой личности, выступает качественной характеристикой ее деятельностно-коммуникативных потребностей, выражает степень адекватности и полноты индивидуальной картины мира, фиксирует уровень овладения богатствами родного или иностранного языка.

Механизмы реализации ЛР компетенции, позволяющие языковой личности эффективно осуществлять речемыслительную деятельность, выделены нами на основе соотнесения частей классической риторики (инвенция, диспозиция, элокуция, меморио, акцио) и этапов деятельности (ориентировка, планирование, реализация, контроль). Данные механизмы (преддиспозитивно-ориентировочный, инвентивно-парадигматический, диспозитивно-синтагматический, элокутивно-экспрессивный, редакционно-рефлексивный, мнемонический, акциональный, психориторический) представляют собой психолингвистические образования в структуре языковой личности. Это комплексы взаимообусловленных мыслеречевых навыков, с помощью которых реализуются аспекты коммуникативной, текстовой и языковой субкомпетенций языковой личности в разных режимах (монологический, диалогический), регистрах (рецептивно-аналитический, репродуктивно-конструктивный, продуктивно-творческий), формах (устная, письменная) социокультурной речевой коммуникации, различных стилях и типах течи, речевых и литературных жанрах.

Вписанная в общую коммуникативную модель система возникающих взаимозависимостей, проецируемая на языковой код, позволяет более адекватно представить процесс функционирования трихотомии «язык – речь – речевая деятельность» как социокультурного феномена, творимого совокупной языковой

личностью этносоциума. По Ф. Де Соссюру, речевая деятельность выступает как единство соотносящихся, но не тождественных друг другу языка и речи, которые относятся к ней как части к целому. Согласно работам А.А. Леонтьева, И.А. Зимней и др. психолингвистов, речевая деятельность – это процесс приема или выдачи сообщения с помощью языковых средств в коммуникативной ситуации. Предлагается также трактовать онтологию языка и речи как разных реальностей, существующих в единстве, однако не как «часть и целое, не наложение двух явлений, а преобразование, переход из одной субстанции в другую» [11].

Операциональные единицы социальной лингвистики – социолингвистические переменные – выделяются на основе соотносительности с определенным уровнем языковой структуры и с варьированием социальной структуры или социальных ситуаций [12]. В рамках ЛР концепции их можно трактовать как социолингвориторические переменные, т.к. они соотносятся также с уровнями структуры языковой личности – коллективной, совокупной, индивидуальной; групповой, коллегиальной, этносоциостратной; с особенностями реализации этапов универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову», в идеале стремящихся к максимальной адекватности продукта речемыслительного процесса предмету речи, коммуникативной ситуации и психологическим особенностям адресата; с антропокосмическим этосно-логосно-пафосным континуумом идеологического наполнения ЛР структур на всех уровнях их социальной реализации, в национально-специфическом преломлении образующих ментальность совокупной языковой личности этносоциума.

Опираясь на традиционную модель «коммуникативного круга», представим схематически **ЛР константы речевой коммуникации** (рис. 1), а в качестве иллюстрации – фрагменты анализа, реализующего данную схему, в подстрочном комментарии к классическому стихотворению А.С. Пушкина «Пророк».

Духовной жаждою томим (преддиспозиция: ощущение духовной жажды как рецептивная интенция, возникшая на мотивационном уровне (в прагматиконе) языковой личности, неодолимая деятельностно-коммуникативная потребность; жажда напитаться Этосом, Логосом и Пафосом из чаши Высшего разума, дабы наполнить смыслом свое земное существование),

В пустыне мрачной я влачился. (Экспозиция условий коммуникации, описание физических и психологических условий ее протекания в метафорически коннотированном ключе; прямой и переносный смысл представленного фрейма; мироощущение языковой личности, данные ее тезауруса, отрицательные коннотации лексем «пустыня мрачная», «влачился»).

И шестикрылый Серафим / На перепутье мне явился. (Появление первого участника сверхъестественной коммуникации – потенциального адресанта – шестикрылого Серафима, посланца высших духовных сфер; его характеристика; метафорическая речевая ситуация (перепутье); дальнейшая конкретизация места действия, т.е. условий коммуникации. Метафорический спектр лексем «перепутье», «явиться» (встреча участников диалога), в данном случае – невербального; специфика сплава модуса и диктума в религиозно-мистической лексике; преддверие коммуникации, включение лингвориторико-герменевтического круга).

Перстами, легкими, как сон, / Моих зениц коснулся он (дальнейшая детализация характеристики адресанта; усиление ирреального колорита; описание начала коммуникации посредством невербального акта) –

Отверзлись вещи зеницы, / Как у испуганной орлицы. (Описание коммуникативного эффекта невербальной коммуникации: презентация процесса возникновения новой способности зрения-восприятия, направляемого взволнованным духом, чувством высокого беспокойства; лексема «вещие» указывает

на потенциальный референт – весь универсум без перечисления конкретных референтов).

Моих ушей коснулся он, / И их наполнил шум и звон, / И внял я неба содроганье, / И горный ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье. (Описание коммуникативного эффекта невербальной коммуникации: перечисление конкретных референтов, ставших доступными утончившимся органам восприятия перерождающейся языковой личности).

И он к устам моим приник, / И вырвал грешный мой язык, / И празднословный, и лукавый, / И жало мудрыя змеи / В уста замершие мои / Вложил десницею кровавой. (Описание хода невербальной коммуникации: подготовительной фазы, регулирующей будущую продуктивную мыслеречевую деятельность пророческой языковой личности; отрицательные коннотации, характеризующие повседневную речевую деятельность обыкновенной языковой личности, обывателя в отличие от Поэта; сверхъестественное преобразование ассоциативно-вербальной сети обычного человека).

Как труп, в пустыне я лежал (характеристика коммуникативной ситуации с точки зрения состояния адресата: максимальная интенционная готовность – состояние «чистого листа бумаги»),

И Бога глас ко мне воззвал (Высший адресант, «Языковая личность № 1» («В начале было Слово, И Слово было у Бога...»), актуализирующий все структуры языковой личности адресата, заранее подготовленного к подобной сверхкоммуникации):

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею моей (сверхмонолог, «агитационная речь» вселенского масштаба; иллокутивная суперсила; перформативы, побудительные предложения, приказ, прямое внушение, суггестия; завершение переструктурирования мотивационного уровня языковой личности адресата, эксплицитное формирование ведущей деятельностно-коммуникативной потребности как доминанты прагматикона Поэта),

И, обходя моря и земли (создание представления о потенциальной аудитории Поэта, измеряемой масштабами универсума),

Глаголом жги сердца людей». (Переструктурирование мотивационного уровня потенциальных «реципиентов второго уровня» в результате веерной коммуникации как демонстрация «геометрической прогрессии» вербальной коммуникации, диалектической взаимосвязи интенциональности и интенции в непрерывной ЛР цепи).

ЛР методология позволяет синтезировать собственно лингвистический и литературоведческий подходы благодаря генетическому родству последнего с риторикой (см., напр.: [13]). Три основных подхода в лингвистике текста – собственно текстовой, синтаксический и стилистический – могут быть синтезированы в ЛР ракурсе благодаря более высокой в иерархическом отношении точке отсчета. Так, текстовые категории [14] схематически манифестируют на знаковом уровне имплицитные дискурсообразующие триады. Информативность, континуум и автосемантия обусловлены преимущественно логосно-тезаурусно-инвентивно; интеграция, членимость и завершенность – этосно-мотивационно-диспозитивно; когезия, ретроспекция и проспекция организуют элокутивную ткань на уровне ассоциативно-вербальной сети, опосредованно создавая пафосную ауру. Делимитация может быть инвентивно обусловленной, диспозитивно направленной и элокутивно оформленной. Интеграция как подчиненность компонентов текста наиболее общей мысли всего текста предстает манифестацией инвентивного стержня высказывания; континуум, т.е. цепь зависимостей, определяющаяся логикой отношений между компонентами текста, – форма существования

инвентивно-диспозитивного каркаса; сцепление, т.е. связь, возникающая между предложениями текста, прежде всего соположенными, – явление сугубо элокутивного слоя текста. Три плана проявления модальности текста – субъектно-модальный, эмоционально-смысловой и функционально-ориентировочный [15] – конструируют континуум дискурс-текста, создавая на элокутивном уровне, в частности, «повествовательные сдвиги», сигнализирующие об имплицитном присутствии автора. Конечным результатом продуктивно-рецептивного диалога выступает генерируемый языковой личностью смысл литературного произведения – художественно-эстетический, этический, познавательный – то в тексте, «что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории», т.е. «его замысел, ради чего он создан» [16].

Лингвориторическая динамика мыслеречевого процесса в сфере языковой личности¹ в целом проходит следующие этапы: зарождение нерасчлененного **смысла¹** (может фиксироваться лишь соответствующее эмоциональное состояние, например, ощущение «горького настоя» (О. Берггольц); саморазвертывание интенции, конкретизация смысла в его соотносительности с реальностью предметного мира в **содержании¹** и оформление его инвентивно-диспозитивного каркаса во внутренней речи; вербализация во внешней речи и конденсация **значения¹** на текстовом уровне.

Герменевтическая динамика речемыслительного процесса в сфере языковой личности² генерируется в зеркальном порядке: **значение¹** через «тоннель» **культурных концептов**, обеспечивающих реализацию конкретной коммуникации благодаря психоэнергетическому наложению семантических радиусов культурных концептов языковой личности¹ и таковых языковой личности², зависящих от индивидуальности каждого «концептоносителя» (см.: [17]), трансформируется в **значение²**, затем в **содержание²** и **смысл²**.

Элокутивно-экспрессивные аспекты ЛР интерпретации, в частности, функционально-метаболические взаимодействия, выступают генерирующей субстанцией текста. Метаболы [18] как экспрессивные речевые жесты наряду с обычными грамматическими, стилистически нейтральными фигурами входят в более широкое понятие «фигуры речи». Последние предстают реализаторами, своего рода экспликаторами и трансформаторами языковых функций. *Фигуры мысли* и *фигуры переосмысления (тропы)*, являясь специфическими приемами мыслеречевой деятельности литературной личности, пронизывают все этапы идеоречевого цикла. *Фигуры синтаксические* – область собственно элокуции, они реализуются непосредственно в языковой ткани произведения, сигнализируя о внутреннем состоянии литературной личности в качестве прямых эмоциональных знаков. Катализаторами значения синтаксических (отчасти нейтральных грамматических) фигур речи являются, в частности, неполнозначные слова. В случае анафорического оформления абзацев они выступают элокутивными экспликаторами инвентивно-диспозитивного каркаса текста, создавая, в качестве усилителей ЛР экспрессии, особую ораторско-публицистическую тональность.

Таким образом, ЛР парадигма выступает в качестве продуктивной методологической базы для интеграции исследовательских подходов современной филологии: выстроен концептуальный аппарат и предложены формулировки основных положений ЛР парадигмы как интегративного исследовательского подхода; расклассифицирован и описан речевой материал, иллюстрирующий теоретические положения; разработаны и реализованы в пакете рабочих программ вузовских курсов и комплекте учебно-методических пособий стратегия и тактика ЛР образования (см., напр., статьи [19–25]).

Разработанный нами подход позволил в рамках Сочинской лингвориторической школы в течение 2000-х гг. с новых позиций рассмотреть речемыслительную деятельность языковой личности и ее продукты в различных типах дискурса: фольклорного, художественного, политического, научного, эзотерического, проповеднического, художественного, научно-фантастического, политического, военного, религиозно-философского, документального и др. типов дискурса в рамках специальности «Теория языка». В русле педагогических специальностей ЛР парадигма позволила обосновать постсоветскую образовательную политику общества в области преподавания языков и литературы, сбалансировать подсистемы языкового, речевого, литературного образования. Успешно защищены 20 и продолжаются 16 кандидатских диссертационных исследований, выполнены и продолжаются 4 проекта НИР, изданы 9 монографий, ряд учебных пособий (4 рифа УМО университетов РФ по филологии), 15 межвузовских сборников научных трудов. Тем самым продемонстрированы объяснительный потенциал, креативная роль и методологический статус ЛР парадигмы.

Примечания:

1. Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. – М.: Наука, 1991. С. 43.
2. Михальская А. К. Риторика // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. М., 1998. – С. 203.
3. Топоров В.Н. Риторика // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. Изд. 2 доп. – М.: Большая Русская Энциклопедия, 2002. С. 417.
4. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Монография. Сочи: СГУТиКД, 2000.
5. Львов М.Р. Риторика. Культура речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по пед. спец. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 264 с.
7. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система (принципы проектирования и опыт реализации): Монография. Сочи: РИО СГУТиКД, 2002.
8. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996.
9. Леонтьев А.А. Надгробное слово «чистой» лингвистике // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. II. – М., 1995. – С. 307–308.
10. Язык – система Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. – М., 1995.
11. Жаналина Л.К. Язык и речь: оппозиции // Филол. науки. – 1996. – № 5. – С. 57.
12. Швейцер А.Д. Социолнгвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 481.
13. Гаспаров М.Л. Античная риторика как система // Античная поэтика: риторическая теория и литературная практика. – М., 1991. – С. 27–59.
14. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007.
15. Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте. – Л., 1989.
16. Бахтин М.М. Проблема текста. Опыт философского анализа // Вопросы литературы. – 1976. – № 10. – С. 122–151.
17. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. М., 1997. С. 280–287.
18. Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. – М.: КомКнига, 2006.

19. Ворожбитова А.А. Концепция лингвориторического образования и организация научно-методической работы кафедры русского языка // Alma mater (Вестник высшей школы). 1999. № 11. С. 30–33.
20. Ворожбитова А.А. Синергетический аспект вузовского образования в свете лингвориторического подхода // Alma mater (Вестник высшей школы). 1999. № 2. С. 22–26.
21. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как социокультурная стратегия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2003. № 9. С. 88–96.
22. Ворожбитова А.А. Альтернативы лингвориторическому образованию – нет! // Мир русского слова. 2004. №3 (20). С. 26–33.
23. Ворожбитова А.А. О концепции лингвориторического образования // Высшее образование в России. М., 2005. № 11. С. 91–96.
24. Ворожбитова А.А. Языковая ситуация в Южном федеральном округе и концепция непрерывного лингвориторического образования // Педагогические науки. М., 2006. №6 (22). С. 34–42.
25. Ворожбитова А.А. Лингвориторические основы инновационного педагогического процесса по программе дополнительного профессионального образования «Деловая коммуникация» в Сочинском госуниверситете // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2008. № 3–4. С. 111–129.

УДК 80

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРИЗМА В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ворожбитова Александра Анатольевна

СГУТиКД, Сочи, Россия.
доктор филологических наук,
доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой русской филологии,
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
E-mail: alvorozhbitova@mail.ru

В статье охарактеризована лингвориторическая парадигма как интегративное направление в филологической науке, базирующееся на пересечении трех категориальных рядов: идеологические аспекты речевого поступка (этнос, логос, пафос); этапы универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову» (инвенция, диспозиция, элокуция) как технология дискурсивного процесса; уровни структуры языковой личности (ассоциативно-вербальная сеть, тезаурус, прагматикон) как продуцента дискурса, носителя идеологии. Соответственно формируются три группы лингвориторических параметров изучения речемыслительных феноменов: этносно-мотивационно-диспозитивные, логосно-тезаурусно-инвентивные, пафосно-вербально-элокутивные.

Ключевые слова: лингвориторическая парадигма, теоретические и прикладные аспекты; пересечение трех категориальных рядов: этнос, логос, пафос.